

ДЕТИ В ФОКУСЕ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИГИЛ: КОНСТРУИРОВАНИЕ НОВОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ*

¹Шаповал Ю.В., ²Бекмаганбетова М.С.*

^{1,2}Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (Астана, Казахстан)

¹shapovaluv@gmail.com, ²diks1991@mail.ru

¹Shapoval Yu., ²Bekmaganbetova M.**

^{1,2}L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan)

¹shapovaluv@gmail.com, ² diks1991@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается использование детей экстремистской организацией ИГИЛ как ресурса для продвижения своего государственного проекта. Анализ изображений детей в пропагандистской деятельности ИГИЛ, социализации детей через школьное образование на территории под контролем «Исламского государства», применения метода геймификации для воздействия на детей, позволили показать как конструировалась новая ментальность молодого поколения как «львят халифата». Пропаганда ИГИЛ, учебная программа и учебные материалы школ ИГИЛ, использование видеоигр транслировали ментальные модели, продуцирующие дихотомическое восприятие мира, поляризацию внутригрупповой идентичности по отношению к другим внешним группам, нормализацию насилия, легитимизацию насилия по отношению к «Другим», не разделяющим их идеологию. Также авторы выдвигают тезис о целенаправленном переформатировании детства экстремистской организацией, что нарушало права этих детей на полноценное развитие и имело для них негативные последствия. Исследование основывалось на междисциплинарном подходе, а также материалах бесед с детьми и интервью с специалистами-практиками первой линии, работавшими с казахстанскими детьми-репатриантами из Сирии и Ирака.

Ключевые слова: дети, новая ментальность, ИГИЛ, пропаганда, образование в ИГИЛ, ментальные модели, геймификация.

Введение

Как отмечают исследователи Бенотван Н. и Малик Н., несмотря на достижения в области права и технологий, в современном мире мы являемся свидетелями вопиющего насилия над детьми в зонах конфликта [1, с.5]. В последние десятилетия дети активно используются экстремистскими вооруженными формированиями, что привело к распространению термина «ребенок-солдат» в научных исследованиях [2] и вниманию к этой проблеме в документах международных организаций. В частности, Генеральной Ассамблеей ООН был

* Данное исследование финансировалось Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (BR 21882428 «Влияние и перспективы ислама как духовно-культурного, политического, социального явления в постнормальные времена: опыт стран Ближнего Востока и Центральной Азии»).

*Автор корреспонденции - Бекмаганбетова М.С. diks1991@mail.ru

принят Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся участия детей в вооруженных конфликтах (2000 г.) [3], с участием ЮНИСЕФ были утверждены Парижские руководящие принципы и обязательства, касающиеся детей связанных с вооруженными силами или вооруженными группировками (2007) [4], направленные против вербовки и использования детей, которыми считаются молодые люди моложе 18 лет. При Совете безопасности ООН функционирует Рабочая группа по вопросу о детях и вооруженных конфликтах. Однако, вопросы вербовки детей экстремистскими вооруженными организациями, вовлечение их в радикальную идеологию остаются актуальными и еще более обострились в связи с активным использованием Интернета и различных цифровых платформ экстремистскими организаторами для привлечения новых сторонников.

Одной из экстремистских организаций, которая широко использовала и эксплуатировала детей, по данным научных исследований и международных организаций, является ИГИЛ. Как известно, в орбиту деятельности данной организации попадали не только местные дети, проживавшие на захваченных территориях Ирака и Сирии, но и дети иностранцев, которые были привезены на эти земли своими родителями, откликнувшимися на призыв ИГИЛ. Необходимо отметить, что международными организациями дети, оказавшиеся в силу разных обстоятельств, в зоне вооруженных конфликтов, вовлеченные в идеологию и деятельность экстремистских вооруженных формирований, включая «детей-солдат» однозначно рассматриваются как жертвы. Исследователь Дж. Кук называет разные категории детей, оказавшихся на территории, подконтрольной ИГИЛ, как «детей, имеющих аффиляцию с ИГИЛ» [5, с.42 - 43] и отмечает необходимость исследования их опыта проживания, механизмов воздействия на них со стороны ИГИЛ и последствий для детей. Как отмечают ученые, рассматриваемая экстремистская организация вела целенаправленную работу по социализации детей в рамках осуществления своего проекта - построения исламского государства. Соответственно, дети использовались не только для совершения кратковременных террористических актов или как комбатанты, а, прежде всего, рассматривались как важный человеческий ресурс для обеспечения жизнеспособности и выживания продвигаемого ими государственного проекта.

В результате выезда родителей в так называемое «Исламское государство» казахстанских граждан, на территории подконтрольной ИГИЛ оказались и казахстанские дети. Согласно официальным источникам с января 2019 года по февраль 2021 года в Казахстане была проведена в несколько этапов гуманитарная операция «Жусан», в рамках которой из лагеря Аль-Холь на северо-востоке Сирии, по официальным открытым источникам, были возвращены 607 казахстанских граждан, большинство из которых женщины (157) и дети (413, включая 34 сироты). Из них 303 ребенка были до 7 лет, 105 детей – от 7 до 14 лет, и 5 детей – от 14 до 18 лет. В ноябре 2019 года в рамках гуманитарной операции «Русафа» было возвращено 14 детей, в возрасте от 1,5 до 13 лет, чьи матери отбывают сроки в иракских тюрьмах [6]. Соответственно, вопросы использования и социализации детей экстремистской организацией ИГИЛ актуальны и для Казахстана и нуждаются в изучении.

Несмотря на разгром ИГИЛ на территории Ирака и Сирии силами международной коалиции, данная экстремистская организация в силу своего транснационального характера, продолжает функционировать в своих различных филиалах. В частности, филиалом ИГИЛ в Центральной и Южной Азии является ИГИЛ-Хорасан, к которому присоединилась часть боевиков центральноазиатского происхождения из Сирии и Ирака. Исследователь А. Ахмадзай отмечает активизацию рекрутинговой кампании ИГИЛ-Х на севере Афганистана, об усилении ее идеологического и военного потенциала [7], что повышает риски экстремизма в государствах Центральной Азии.

В связи с тем, что ИГИЛ, а также другие экстремистские группировки, активно использует цифровые социальные медиа для распространения своей идеологии и рекрутирования сторонников, а дети и подростки являются активными пользователями в медиапространстве, то риски онлайн радикализации для данной целевой группы достаточно высоки. Как показал исследователь М. Лакони [9], на современном этапе цифровая экосистема пропаганды ИГИЛ продолжает функционировать и направлена, как и раньше, на привлечение новых последователей.

Исходя из вышеизложенного, целью данной статьи является исследование стратегий ИГИЛ по социализации детей, с помощью которых конструировалась новая ментальность детей как «львят халифата». Для этого, мы, во-первых, обратимся к вопросу об использовании детей в пропаганде ИГИЛ, в которой происходит переформатирование образа детства. Во-вторых, рассмотрим механизмы социализации через образование, в рамках которого у детей формируются ментальные модели, через которые они воспринимают мир и свое место в этом мире. В-третьих, проанализируем использование ИГИЛ новых технологий, в частности метода геймификации и видеоигр как инструмента для вовлечения детей и подростков в орбиту своей идеологии и деятельности.

Методология

Исследование проводилось на основе междисциплинарного подхода, который позволил рассмотреть разные аспекты использования детей так называемым «Исламским государством». В качестве теоретической основы был взят тезис известного исламоведа О. Руа об интенции современных джихадистов к формированию нового типа «Homo islamicus» [10, с. 29] с новой ментальностью.

В статье использовались материалы собственного исследования, а именно беседы, проведенные с детьми-репатриантами, возвращенными в ходе гуманитарной операции «Жусан», а также полуструктурированные интервью, проведенные со специалистами-практиками первой линии, работавшими с ними с целью их реабилитации и реинтеграции в казахстанское общество. Также, были обобщены и проанализированы исследования зарубежных ученых по проблеме детей, используемых экстремистскими организациями, что позволило выявить подходы и методы ИГИЛ к конструированию новой ментальности.

В основу исследования были положены принципы рассмотрения детей как жертв экстремистских организаций, отказ от секьюритизации в отношении этой категории детей и принцип отказа от любой их стигматизации.

***Использование детей в пропаганде ИГИЛ:
переформатирование детства***

Дети стали важным инструментом пропаганды и коммуникативных стратегий ИГИЛ. Соответственно Интернет ресурсы и медиа ИГИЛ активно распространяли фото и видео детей. Казахстанские дети также стали участниками пропагандистских видеороликов. Так, в Интернете в октябре 2013 года появилось видео под названием «Семья из 150 казахов приехала в Сирию на джихад», в котором наряду с взрослыми людьми – казахами участвовали дети, читающие нараспев суры Корана и говорящие на казахском языке. В ноябре 2014 года в Интернете вновь появилось видео с участием казахских детей, которые обучаются в тренировочном лагере ИГИЛ обращаться с оружием, получают навыки участия в боевых действиях. Исследователь Кристин А. в своем исследовании, посвященном анализу изображений детей и молодежи в электронном журнале Дабик, который выпускался ИГИЛ, ссылался на видео с казахским мальчиком – моджахедом, который убивает двух шпионов после допроса и потом говорит, что хочет вырасти и убивать «неверных» [11, с.1, 6].

Исследователи Бенотван Н. и Малик Н. собрали и проанализировали 254 видео и фото с участием детей за период с августа 2015 г. по февраль 2016 г. на различных Интернет-ресурсах. Ими были выделены пять категорий изображений с детьми [1, с. 17-20]. Первая категория под названием «участие в насилии» включала фото- и видео- материалы с детьми-солдатами, детьми-террористами, детьми, совершающими казни, детьми в военных тренировочных лагерях и военнизированных школах – муаскарах. Вторая категория «нормализация насилия» включает детей держащих оружие, играющих с оружием, угрожающих оружием, а также детей, наблюдающих пытки и казни. Третья категория с названием «государственное строительство» включала изображение детей в религиозной школе, на молитве, их участие в гражданской жизни по законам шариата, вербовку. Четвертая категория, обозначенная как «утопия» содержала визуальные материалы празднования исламских праздников, повседневной жизни, семьи. Пятая категория «возмущение иностранной политикой по отношению к мусульманам» включала материалы с детьми-жертвами политики иностранных держав, в частности, дети, оставшиеся сиротами после гибели их родителей, раненные дети, убитые дети. Анализ, проведенный данными исследователями показал, что большинство визуальных материалов ИГИЛ медиа с участием детей относятся к категории «участие в насилии» и «нормализация насилия» [1, с.19]. На втором месте по количеству визуального контента с детьми располагаются изображения детей категории «государственное строительство». Остальные категории на последних местах.

Анализ А. Кристин визуального материала с детьми в журнале Дабик показывает изменение в стратегиях репрезентации данной целевой группы, а именно от образов детей с акцентом на невинности, беззащитности, что у большинства людей ассоциируется с детством, до преобладания образов детей, связанных с жестокостью, совершением насилия и акторством в этих действиях детей. Дополняет эту картину переформатирования детства исследование М. Блум, Дж. Хогтана, Ч. Винтера, показывающее пропаганду мученичества с

участием детей [12]. Эти ученые установили, что с 1 января 2015 года по 31 января 2016 года пропагандистской машиной ИГИЛ было восхвалено 89 детей и подростков, которые погибли в результате самоподрывов на автомобиле, участия в различных боевых операциях и других насильственных актов. Большинство этих погибших детей было запечатлено на фотографиях, которые использовались в пропагандистских целях, например, в акции «Караван мучеников». На 46% фотографий они изображены с улыбками на лицах, 27% — с нейтральным выражением лица и 26% — с гневным выражением, на 6% фотографий дети и подростки изображены в масках. Тема счастья от перспективы мученичества продвигалась ИГИЛ медиа и связывалась с идеей рая. М. Блум, Дж. Хорган и Ч. Винтер одновременно с пропагандистскими материалами в отношении «детей-мучеников», проанализировали контент, связанный с «взрослыми-мучениками» и обнаружили, что нет особых отличий в подаче информации о погибших в результате самоподрывов или вооруженных действиях детях и взрослых [12, с. 31]. Дети и их «мученичество» ставились в одном ряду с взрослыми, совершившими аналогичные поступки. Таким образом, анализ визуальных материалов показывает, что имеет место переформатирование детства, когда детство, которое воспримается как достаточно долгий период подготовки к взрослой жизни, связанный с играми, учебой, радостями, надеждой, жизнью, будущим предельно сократилось и «повзрослело». Во время наших интервью с практиками первой линии, работавшими с детьми-возвращенцами из Сирии и Ирака, они отмечали следующие черты: первое – это взрослость этих детей, как будто они поменялись ролями с родителями, что специалисты обозначали как «перевернутые отношения», второе – «холодное материнство», когда матери не проявляли достаточной заботы о детях, как принято в казахстанском обществе.

Исходя из нашего исследования, использование детей в пропаганде ИГИЛ было эффективным. На каких-то людей эмоциональное воздействие оказала категория изображений «детей-жертв» агрессии западных стран, на других – дети, участвующие в государственном строительстве, или категория «утопия» с позитивными картинками повседневной жизни детей, читающих Коран. Категория «дети-солдаты» так же обладала воздействием на людей, поскольку, как указывают исследователи Уоткин А.-Л., Луни С., медиа ИГИЛ придавало фото и видео материалу с ними большую персонализированную и эстетическую ценность [13, с.15]. «Дети-солдаты» подавались как молодые люди с высоким статусом в группе, обретшие известность, что также могло заинтересовать потенциальных сторонников.

В ходе нашего исследования, во время интервью респондентка А. (казашка, 36 лет), репатриантка из Сирии, отметила, что на неё произвели глубокое эмоциональное впечатление видео с детьми на территории ИГИЛ, на которых были дети – сироты, оставшиеся без родителей. Это повлияло, среди других причин, на ее решение поехать на территорию так называемого «Исламского государства». Там она действительно стала заботиться о двух приемных детях-сиротах. Другая респондентка З. (казашка, 30 лет) рассказывала, что муж перед отъездом на территорию ИГИЛ говорил и показывал, что дети там так же ходят в школу, и вообще, живут счастливо, то есть в этом случае в качестве инструмента использовались позитивные изображения детей категорий «государственного строительства» и «утопии».

Среди визуального контента ИГИЛ подавляющее большинство включает изображения мальчиков, что объяснимо строгой гендерной сегрегацией в так называемом «Исламском государстве», где девочки были менее видимы, так как их жизнь ограничивалась семейными обязанностями и их готовили преимущественно для роли жен и матерей для бойцов данной организации. Однако в категории «утопия», как выявили исследователи Уоткин А.-Л., Луни С., были изображения с девочками, защищенными взрослыми мужчинами – их отцами. Немногочисленные изображения с девочками категории «утопия» призваны были показать, что халифат является безопасным местом для жизни девочек, которые обозначались как «цветы и жемчужины халифата» [13, с. 16].

В целом, среди визуального материала интернет-ресурсов и электронного журнала Дабик с конца 2015 года преобладали изображения «детей-солдат», относящиеся к категории «участие в насилии», и фотографии и видео с детьми в классе, изучающими Коран, или детьми, обучающимися в военнизированных школах муаскарах, что относится к категории «государственное строительство», так как показывает их социализацию в «Исламское государство» и будущие роли в нем.

Использование изображений детей в информационно-пропагандистской машине ИГ, особенно относящихся к категориям «участие в насилии», «нормализация насилия», «государственное строительство» призвано было, с одной стороны, шокировать большинство взрослых людей, которые привыкли ассоциировать детей с невинностью, беззаботностью и беззащитностью. В противоположность общепринятому образу детства, ИГИЛ представило образ детей, выполняющих не свойственные их возрасту, функции «детей-солдат», «детей-палачей», как бы переформатировав образ детства. Во-вторых, использование детей в этих категориях должно было показать, что ИГ осуществляют долгосрочный проект государства, который будет продолжен следующим поколением, несмотря на попытки его уничтожить. В-третьих, представленные категории изображения детей содержат ценности, ментальные модели, которые взрослые члены ИГИЛ формировали у детей.

Социализация детей в «Исламском государстве»: формирование ментальных моделей через образование

В связи с тем, что дети воспринимались ИГИЛ как один из ключевых аспектов государственного проекта, то вопросы социализации детей были весьма значимыми для данной экстремистской организации. Одним из институтов социализации является, как известно, образование, которое передает молодым поколениям систему значений, ценности, модели поведения, посредством которых дети будут воспринимать и интерпретировать окружающий мир.

Важность социализации детей через образование для ИГИЛ подтверждает тот факт, что в провозглашенном «Исламском государстве» было Министерство образования Диван ат-Талим. Целью Министерства было школьное образование детей по новой учебной программе, соответствующей идеологии ИГИЛ. Эта структура готовила школьные учебники, раздаточный материал, инструкции для учителей. После разгрома ИГИЛ в северном Ираке, были обнаружены различные документы, оставленные данной экстремистской организацией,

которые получили название «Файлы ИГИЛ». Они датируются 2015-2017 годами. Материалы, касающиеся образования, транскрибированы и проанализированы Вашингтонским университетом и Международным центром по противодействию насильственному экстремизму «Хидая» [14]. Данные материалы включают 29 учебников и 40 файлов, представляющих домашние работы, конспекты из курса, раздаточный материал, письма, приказы Министерства образования ИГИЛ, правила экзаменов, и тестовые баллы. Анализ этих материалов позволяет составить представление о том, какие ментальные модели передавались детям через образование, и зная их, выстраивать превентивную работу с детьми и подростками, а также реабилитационные мероприятия с детьми-репатриантами.

Учебная программа «Исламского государства» в северном Ираке, согласно авторам исследования в 2015-2017 гг. включала религиозные предметы, такие как Коран, акиду, шариат, биографию Пророка Мухаммада, изучение хадисов. Также были общеобразовательные предметы, в частности математика, грамматика, естествознание, арабский и английский языки, информатика, физкультура. Были запрещены такие предметы как искусство, музыка, философия, обществознание, религия (кроме ислама) и литература. В отношении общеобразовательных предметов следует отметить, что они также преподавались через призму идеологии ИГИЛ. Например, авторы вышеупомянутого исследования приводят карту из учебника географии, которая делит все географическое пространство на исламский мир и мир неверных. Границы исламского мира обозначены в связи с взглядом ИГИЛ на то, какие территории эта организация считает потенциально своими: от границ Танзании (Африка) на юге до северных границ Казахстана на севере в Центральной Азии, от Западного побережья Африки (Марокко, Мавритания и Сенегал) до границы Индонезии на востоке [14, с. 45-46].

Дискурс-анализ учебных материалов, проведенный исследователями Зейгер С., Атамурадова Ф. и др., выявил, основные тематические категории в содержании учебных материалов. Так, 53% материалов в учебных текстах относятся к категории «акцент на исламе», 17% - к категории «управления исламским государством», 15% - материалы, обозначенные категорией «борьба с врагами с помощью насилия», 9% - категория «враги ИГИЛ», 7 % - категория «доктрина и вероучение». С одной стороны, акцент учебных материалов на исламе присутствует в исламском образовании по всему миру, и это является естественным для религиозного образования. Однако, если, используя метод овертона, в исламские нарративы включается понимание джихада как шестого столпа ислама, а также присутствует дегуманизация других групп и легитимизацию насилия против них, то это уже становится опасным и ведет к джихадистской интерпретации ислама.

Основываясь на методологии, предложенной Хароро Дж. Ингрэмом [15], можно выделить основные ментальные модели, которые передавались через усвоение этой учебной программы. Первая ключевая ментальная модель, с которой связаны остальные – это идентичность. Конструирование идентичности, что подтверждается учебными материалами предполагала несколько составляющих. Во-первых, акцент только на мусульманской идентичности и игнорирование других идентичностей человека, например этнической. Во-вторых, конструирование внутригрупповой мусульманской

идентичности в рамках поляризации с идентичностями других внешних групп. Эта поляризация предполагает ассоциацию позитивных ценностей со своей группой, а внешняя другая группа описывается негативными ярлыками и характеризуется отрицательными чертами. В учебных материалах ИГИЛ, важным аспектом внутригрупповой мусульманской идентичности является приверженность провозглашенному халифату и жизнь в нем. В учебных файлах ИГИЛ содержится дикурс, что дети должны стать хранителями и защитниками созданного государства, так как только оно во главе с халифом выражает интересы уммы истинно верующих.

Вторая ментальная модель, которая транслируется через учебные материалы ИГИЛ – это кризис. Эта ментальная модель детализирует «Других» как источник этого кризиса, который обозначается как состояние джахилии. Понятие «джахилия» трактуется не только как «невежество» в доисламской Аравии, но как черта современного общества, которое живет опираясь на человеческие законы и нормы, а не на Бога как источник всего. В учебных материалах содержится описание других групп как врагов. В документах «Файла ИГИЛ», связанных с образованием, исследователи выделили два типа врагов: 1) те, кто отвергает монотеизм, которые именуются мушриками (многобожниками), и те, кто отвергает бога, и называются кафирами (неверными); 2) те, против которых ИГИЛ выступает, используя другие моральные или политические аргументы в рамках исламской истории и теологии [14, с. 65]. В связи с тем, что границы между многобожием и неверием у ИГИЛ размыты, враги первого типа включают широкий круг людей и групп, не только представителей политеизма, но и других монотеистических религий, а также другие мусульманские группы, не разделяющие интерпретацию ИГИЛ. К врагам второго типа относятся мунафики, которые определялись как лицемеры, называющие себя мусульманами, но внутри скрывающие неверие. Также ко второй категории врагов относятся рафидиты, под ними понимались шииты. Среди врагов разных категорий особый акцент делался на Запад, евреев, крестоносцев [14, с. 71-72].

Третья ментальная модель, исходя из концепции Хароро Дж. Ингрэма – решение. В учебных материалах «Файла ИГИЛ», как и в пропагандистских материалах, предлагается единственный выход из кризиса современного мира джахилии – это приверженность идеологии и ценностям ИГИЛ и борьба с врагами. Это еще больше укрепляет внутригрупповую идентичность в противоположность внешним групповым идентичностям «Других».

Легитимизация насилия в учебных материалах осуществляется через интерпретацию понятия джихад как насильственной борьбы не только оборонительной, но и наступательной. В учебнике истории из «Файлов ИГИЛ» наступательный джихад легитимизируется в разделе «Урок: Разрешение на войну» [14, с. 74].

Как показывают исследователи Зейгер С, Атамурадова Ф. и др., учебные материалы ИГ наполнены визуальными материалами, которые способствуют нормализации насилия. Алфавит арабского языка, где в качестве слов под буквами алфавита название разного оружия. Или в учебнике по информатике содержалось задание «сбей вертолет» [14, с. 75].

Выявленные в учебных материалах ИГИЛ ментальные модели идентичности, кризиса и решения продуцируют у детей дихотомическую черно-белую картину

мира, когнитивные предубеждения и образ врага в отношении внешних групп, нормализацию насилия. Большой интерес представляет вывод Хароро Дж. Ингрэма, что экстремистские организации целенаправленно усиливают дискурс о кризисе, об угрозах группе со стороны «Других», провоцируя состояние стресса у людей, когда они действуют, опираясь на «автоматическое мышление» [15, с.8, 34], основанное больше на чувствах, впечатлениях, интуиции. Автоматическое мышление более уязвимо для манипуляции и когнитивных искажений в отличие от второго типа мышления, которое характеризуется рефлексивностью и осознанностью принятия решений [15, с.32]. Акцент в обучении образовательная система ИГИЛ делала на автоматическое мышление, не развивая критическое мышление у детей.

В ходе нашего изучения опыта пребывания казахстанских детей на территории ИГИЛ, мы выяснили, что они проходили обучение при мечетях или при общежитиях для вдов (макары). Дети называли следующие дисциплины: математика, Коран, арабский язык, также некоторые называли русский язык, казахский язык. Девочки называли еще шитье. Один день в школу ходили мальчики, на другой день - ходили девочки. Мальчиков с 12 лет посылали в муаскары, где была военная подготовка. Следует отметить, что мы не располагаем сведениями, проходили ли казахстанские дети обучение в муаскарах.

Образование на территории ИГИЛ было односторонним и несистемным, поэтому дети имели большие пробелы в знаниях по сравнению со своими сверстниками в Казахстане. В наших беседах дети так и не смогли назвать ни одной светской книги, а называли только Коран и хадисы. Никто из детей не мог назвать ни одной сказки.

Также, при беседах с детьми выяснилось, что обстоятельства жизни, происходящие с ними события, дети воспринимали через призму исламских понятий. Однако, понимание ислама было односторонним, а именно акцент делался на вопросах «вознаграждения и наказания», на предопределении всего Аллахом, на смерти, на наступлении Судного дня, на аде и рае. В представлении детей халифат или, как они чаще называли, дауля – это истинное место жизни правоверных мусульман живущих по закону шариата. Согласно детям, дауля досталась в наследство от первых поколений мусульман, ближайших сподвижников Пророка. Мусульмане, не входившие в халифат, признавались заблудшими или в случае с мусульманами, последователями шиизма, суфизма, и других течений, считались кафирами или вероотступниками (муртадами). В представлении детей кафиры не поклоняются Аллаху, намаз не читают, убивают мусульман. Таким образом, у казахстанских детей в ходе пребывания на территории ИГИЛ также обнаруживаются ментальные модели, которые транслировались данной организацией.

В данном разделе мы рассмотрели социализацию через школьное образование ИГИЛ. Для более целостного понимания социализации детей в так называемом «Исламском государстве», необходимо, как предлагают исследователи Дж. Кук и Л. Шнайдер [16], анализировать не только школьное образование в ИГ с точки зрения учебной программы, а взаимодействие детей с различными экосистемами, в частности с семьей, с расширенной семьей, со сверстниками, с другими взрослыми, с различными структурами ИГИЛ, с пропагандой, с социальными

нормами «Исламского государства». Это позволит выявить различные факторы, влияющие на детей, которые оказались аффилированными с экстремистскими организациями, что будет вкладом в развитие работы по противодействию и превенции вовлечения детей в насильственный экстремизм.

***Медиа технологии ИГИЛ, нацеленные на детей и молодежь:
метод геймификации***

Представители УНП ООН в пособии, посвященном работе с детьми, завербованными и эксплуатируемыми экстремистскими группами отмечают рост вербовки детей через интернет. В пособии отмечается: «Платформы социальных сетей, включая электронную почту, чаты, сетевые сообщества, форумы, видеозаписи и приложения, являются особенно популярными инструментами вербовки» [17, с.12-13]. Наряду с перечисленным, ИГИЛ для привлечения молодой аудитории использовало метод геймификации, что означает применение техник и подходов компьютерных игр к неигровому контенту с целью привлечения большого числа пользователей.

Растущее использование метода геймификации экстремистскими группировками, включая ИГИЛ, обусловлено огромным количеством потребителей видеоигр в современном мире. Так, согласно мировому опросу, проведенному в третьем квартале 2024 года [18], 83 % пользователей Интернета играют в видеоигры на различных устройствах. Среди возрастной группы 16-24 года 93 % мужчин-пользователей Интернета и 92 % женщин, использующих Интернет, играют в видеоигры. Кроме того, современная молодежная культура наполнена мемами, короткими видео Reels с динамичным контентом, которые используют техники видеоигр для создания сторис, таргетированной рекламы и других медиапродуктов, потребляемых детьми и молодыми людьми. Поэтому, использование геймификации позволяет привлекать важную для ИГИЛ целевую аудиторию детей, подростков и молодежи с целью ее последующей вербовки. Особое внимание экстремистских группировок направлено на видеоигры и их аудиторию в жанре шутер от первого лица (FPS). Это видеоигры, в которых игрок/игроки помещаются в боевую обстановку, становясь стрелками и выполняют задания по уничтожению противника с целью добиться успеха. Это игры с агрессивным контентом, которые нормализуют насилие для их пользователей и способствуют росту агрессивности. Как было показано выше, участие в насилие, нормализация насилия соответствуют идеологии и деятельности ИГИЛ.

Метод геймирования ИГИЛ использовало несколькими способами. Первый способ включал широкое использование элементов и технических приемов видеоигр для создания медиапродуктов ИГИЛ. Второй способ, переформатирование оригинальных видеоигр в соответствии с идеологией ИГИЛ, а также выпуск трейлеров видеоигр, созданных ИГИЛ. Третий способ, использование данного метода в учебном процессе в ходе изучения предмета «Введение в программирование Скретч».

Достаточно высокое качество медиапродуктов пропаганды ИГ, как отмечают исследователи Даубер К.Э., Робинсон М.Р. и другие, обеспечивалось, в том числе, за счет использования игровых мотивов и технических приемов видеоигр

[19, с.17]. В ряде видео ИГ использовались приемы игры шутера от первого лица, в частности игры Call for Duty. Указанные исследователи выявили заимствование у видеоигры приема съемки от первого лица, что создает эффект полного присутствия в виртуальной реальности. Следующий заимствованный визуальный прием – использование съемок с дронов, которые делают видео эффектными и драматичными. Поверх кадров дронов может быть наложена цветная графика, позволяющая отличать «плохих» от «хороших». Также кадры с дрона могут использоваться в виде экранных вставок в углу кадра как мини-карта. Еще один игровой прием – появление анимированного текста, сопровождаемого звуковым приемом.

Исследователь Ахмед Аль-Рави рассматривал использование видеоигр экстремистской организацией ИГИЛ в рамках реализации ею джихада 3.0 [20, с. 5-6]. Понятие джихада 3.0. означает, что ИГИЛ создало целую цифровую экосистему с включением различных цифровых платформ, видеохостингов, приложений, мобильных сервисов, медиатехнологий для привлечения своих потенциальных последователей. В этой децентрализованной и многообразной цифровой экосистеме используется медиастратегия привлечения целевой аудитории молодежи с помощью видеоигр. Аль-Рави приводит в пример видеоигру, выпущенную ИГИЛ, которая является адаптацией Grand Theft Auto (GTA). Название игры – «Салил аль-Саварим», что переводится как «звон мечетей», что должно выражать идею силы, бесстрашия и стойкости во время борьбы. На видеохостинге Youtube был размещен трейлер этой видеоигры. Ссылки на саму видеоигру не работают. Исследователь проанализировал, в какой позитивной или негативной тональности были сняты видео о видеоигре ИГИЛ и комментарии к видео за 2015 год. Большинство видео (6 из 10), снятые об игре ИГИЛ, выполнены в положительном тоне по отношению к этой организации, два нейтральных и два отрицательных. Среди комментариев к видео большинство негативных, однако треть положительных. Как отмечает Аль-Рави, члены ИГИЛ использовали комментарии, чтобы инициировать дискуссию, в которой восхвалялось «Исламское государство» и клеймились его враги с помощью приемов троллинга и флейминга с оскорблениями и угрозами [20]. В комментариях велась своеобразная онлайн война, которую члены ИГИЛ использовали для привлечения новых сторонников.

Также, в процессе обучения языку программирования Скретч (Scratch) по предмету «Введение в информатику», были переформатированы игры, посредством которых дети усваивают язык программирования. Как отмечают исследователи Зейгер С, Атамурадова Ф. и др. вместо увлекательных игр с котом Скретч, ИГИЛ заменил кота на другие фигуры, а именно бойцов ИГИЛ и их противников [14, 78].

Целевой аудиторией видеоигр с агрессивным контентом являются, прежде всего, подростки. Как отмечают психологи [21, с.219], мальчиков-подростков в жестких агрессивных видеоиграх привлекает возможность испытать сильные эмоции, как негативные, так и позитивные, а также утвердить свою маскулинность, примерив роль боевика, в контексте поиска идентичности, свойственной этому возрасту. В то же время, определенная часть подростков, которая находится в кризисной ситуации фрустрации, отвержения своими

сверстниками, предпочитают антисоциальный контекст в медиа пространстве, включая видеоигры [22, с. 1165].

Таким образом, психологические исследования также подтверждают уязвимость подростков для воздействия экстремистской группировки ИГИЛ в условиях использования ею методов геймификации.

Заключение

Анализ использования детей в пропаганде ИГИЛ, школьной учебной программы ИГИЛ, метода геймификации, показал, что так называемое «Исламское государство» направленно конструировало новую ментальность у молодого поколения. Визуальные материалы с участием детей, созданные как для внутреннего, так и для внешнего потребления, демонстрируют переформатирование образ детства членами экстремистской организации. В медиа пропаганде ИГИЛ доминировала категория изображений детей «участие в насилии», «нормализация насилия», «государственное строительство». Более отчетливо конструирование новой ментальности прослеживается через школьное образование ИГИЛ, учебные материалы которого транслируют ментальные модели внутригрупповой идентичности в противостоянии с идентичностями других внешних групп, модель кризиса, связанного с «Другими», которые воспринимаются как враги, модель решения кризиса через фанатичную преданность своей группе и легализацию насилия в отношении представителей других групп, включая мусульманские, не разделяющие идеологию ИГИЛ. Метод геймификации с использованием агрессивных видеоигр также служил продвижению ментальных моделей ИГИЛ у детей и молодежи.

Список литературы

- 1 Benotman, N., Malik, N. Report “The Children of Islamic State”. – Quilliam, 2016. – 100p.
- 2 Wessels M. Child Soldier. From Violence to Protection. – Cambridge, Massachusetts, London, England: Harvard University Press, 2006. – 309 p.
- 3 Optional Protocol to the Convention on the Right of the Child on the Involvement of Children in Armed Conflict (25 May 2000)// <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/optional-protocol-convention-rights-child-involvement-children/> Access 10.05.2025.
- 4 The Paris Commitments to protect children from unlawful recruitment or use by armed forces or armed groups. 2007//https://childrenandarmedconflict.un.org/publications/ParisCommitments_EN.pdf/ Access 10.05.2025.
- 5 Cook J. Distinguishing Children From ISIS-Affiliated Families in Iraq and Their Unique Barriers for Rehabilitation and Reintegration. – Perspectives on terrorism. – 2023. – № 3. – Pp. 42-69.
- 6 Shapoval Yu., Bekmaganbetova M., Aimukhambetov T., Seitakhmetova N. Kazakhstan’s Approach to the Rehabilitation and Reintegration of Child Returnees from Syria and Iraq: Restoring the Rights to Life and Development. – 2025. – Vol. 19. № 2. – Pp.82-98.
- 7 Annual Treat Assessment of the U.S. Intelligence Community. Office of the Director of National Intelligence, 2025. – 31 p.

- 8 Ahmadzai A. IS-Khorasan: Organizational Structure, Ideological Convergence with the Taliban, and Future Prospects. Perspectives on Terrorism. – 2022. –Vol.16. № 5. – Pp. 2–19.
- 9 Lakomy, M. (2024). In the digital trenches: Mapping the structure and evolution of the Islamic State's information ecosystem (2023–2024)//Media, War & Conflict.–2024. <https://doi.org/10.1177/17506352241274554>
- 10 Roy, O. Jihad and death. The Global appeal of Islamic State.- London: Hurst&Company, 2017. – 159p.
- 11 Christien A. The representantion of youth in the Islamic State's propaganda magazine's Dabiq. // Journal of Terrorism Research. – 2016. –Vol.7. № 3. – Pp. 1-8.
- 12 Bloom M. , Horgan J., Winter Ch. Depictions of Children and Youth in the Islamic State Matyrdom Propaganda, 2015-2016// CTCSENTINEL. – 2016. –Vol.9. № 2. – Pp. 29-32.
- 13 Watkin A-L., Looney S. “The Lions of Tomorrow”: A News Value Analysis of Child Images in Jihadi Magazines//Studies in Conflict & Terrorism. – 2019. – Vol.42. № 1-2. – Pp. 120-140.
- 14 Zeiger Sara, Atamuradova Farangiz, Elsayed Lilih, Chung Muna Planting the Seeds of the Poisonous Tree: Establishing a System of Meaning Through ISIS Education. Washington DC. Program of Extremism, 2021. – 117 p.
- 15 Ingram, H. J. Deciphering the siren call of militant Islamist propaganda: Meaning, credibility & behavioural change. – The International Centre for Counter-Terrorism -The Hague, 2016. –46 p.
- 16 Cook J., Schneider L. (2024) The life of children in families affiliated with terrorism: an ecological systems theory approach// Critical Studies on Terrorism. – Vol 17. № 2. – Pp. 275-303.
- 17 Handbook on Children Recruited and Exploited by Terrorist and Violent Extremist Groups: The Role of the Justice System. – Vienna: United Nations, 2017. – 160 p.
- 18 Share of internet users worldwide who play video games on any device as of 3rd quarter 2024, by age group and gender // <https://www.statista.com/statistics/326420/console-gamers-gender/>. Access 25.05.2025.
- 19 Dauber C.E. , Robinson M.D., Baslios J.J., Austin G. Blair A.G. Call of Duty Jihad: How the Video Game Motif has Migrated Downstream from Islamic State Propaganda Videos.// Perspectives on Terrorism. – 2019. –Vol.13.№ 3. – Pp. 17-32.
- 20 Al-Rawi A. Video game, terrorism, and ISIS jihad 3.0 //Terrorism and Political Violence. –2018. – № 30 (4). – Pp. 740-760.
- 21 Jansz J. The Emotional Appeal of Violent video games for Adolescent Males. Communication Theory. –2005. –Vol.15. № 3. – Pp. 219-241.
- 22 Plaisier X.S., Konijn E.A. Rejected by Peers-Attracted to Antisocial Media Content:Rejection-Based Anger Impairs Moral Judgment Among Adolescents. Developmental Psychology. – 2013. –Vol. 49. №6. – Pp. 1165-1173.

Шаповал Ю.В., Бекмаганбетова М.С.

Экстремистік ИГИЛ ұйымының назарындағы балалар: жаңа менталитетті қалыптастыру

Аңдатпа. Мақалада экстремистік ИГИЛ ұйымының балаларды өздерінің мемлекеттік жобасын жүзеге асырудағы ресурстары ретінде пайдалану тәсілдері қарастырылады. Балалардың ИГИЛ-дің үгіт-насихат материалдарындағы бейнелері, ұйым бақылауындағы аумақтарда мектептік білім беру арқылы баланы әлеуметтендіру үдерісі, сондай-ақ балаларға ықпал студия геймификация әдістерін қолдану арқылы жаңа буынды – «халифаттың арландарының» менталитетін қалыптастыру жолдары талданады. ИГИЛ-дің насихаты, оқу бағдарламалары мен оқу құралдары, сондай-ақ

бейнеойындар баланың санасына әлемді дихотомиялық тұрғыдан қабылдауды, басқа сыртқы топтарға ішкі топтық біргеіліктің поляризациясын, зорлық-зомбылықты қалыпты құбылыс ретінде қабылдауды және өз идеологиясымен келіспейтін «басқаларға» қарсы күш қолдануды заңдастыруды енгізген ментальдық модельдерді таратты. Сонымен қатар, авторлар ИГИЛ ұйымының балалық шақты саналы түрде қайта форматтауға тырысқанын және оның балалардың психологиялық әрі әлеуметтік дамуына кері әсерін тигізгенін алға тартады. Зерттеу пәнаралық әдіснамаға негізделген және Сирия мен Ирак елдерінен оралған қазақстандық балалармен жүргізілген әңгімелер мен бірінші шептегі мамандардан алынған сұхбат материалдарына сүйенеді.

Түйін сөздер: балалар, жаңа менталитет, ИГИЛ, насихат, ИГИЛ-дегі білім беру, ментальдық модельдер, геймификация.

Shapoval Yu., Bekmaganbetova M.

Children in focus of the ISIS extremist organization: constructing a new mentality

Abstract. The article examines the use of children by the extremist organisation ISIS as a resource for promoting its state project. The authors analyse the images of children in ISIS propaganda, the socialisation of children through school education in territories controlled by the “Islamic State”, and the use of gamification to influence children. It has been revealed how a new mentality was formed among the younger generation as ‘lions of the caliphate.’ ISIS propaganda, the curriculum and teaching materials of ISIS schools, as well as the use of video games, conveyed mental models that shaped a dichotomous perception of the world, polarisation of their group’s identity in relation to outgroups, normalisation of violence, and legitimisation of violence against ‘outsiders’ who did not share their ideology. The authors also put forward the thesis about the purposeful reformatting of childhood by an extremist organization, which violated the rights of these children to full development and had negative consequences for them. The study was based on an interdisciplinary approach, as well as materials from conversations with children and interviews with first-line practitioners who worked with Kazakhstani children-repatriates from Syria and Iraq.

Keywords: children, new mentality, ISIS, propaganda, education in ISIS, mental models, methods of gamification.

Поступила: 31.07.2025

Принята: 01.09.2025